

е
ц н
т и
р
ф у
г а

Василий
Бородин

Клауд найн

Центр Вознесенского
Москва, 2020

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Р95

Редколлегия Илья Данишевский, Лев Оборин,
Мария Степанова

Р95 Бородин В. Клауд найн. М.: Центрифуга, Центр Возне-
сенского, 2020. ?? с.

ISBN 978-5-6044277-2-9

Василий Бородин — поэт, лауреат Премии Андрея Бе-
лого и премии «Московский счёт». В его новую книгу
вошли стихи последних лет, как всегда внимательные
к малому — и к большим изменениям, которые это ма-
лое в человеке производит.

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-6044277-2-9

© Василий Бородин, текст, 2020

© Дарья Яржамбек, дизайн, 2020

© Центр Вознесенского, 2020

Содержание

11	ночь — как горит поэма...
12	современный художник попавший в рай...
13	змея пережила свой яд...
15	сердце на севере...
16	есть высокая тоска...
17	кто боится смерти тот не вóрон...
18	найдена собака...
19	господи есть музыка в раю...
20	что ещё за по земле?...
21	только-только с жжёной пылью...
22	я старался...
23	как кусок какого-то материала...
24	мир есть вечернее серое девичье...
25	веришь рос репей своей дорогой...
26	после славы воины стоят...
27	— я немножко в вас влюблён...
28	МАРТ
29	профессор Роберт Заммерли...
30	вода воде сестра...
31	это страшное звéрище...
32	люди плуга — Толстой и Чертков —...
33	э, старик...
34	важен и ценен...
35	Цой дунул улыбнулся как...
37	судомойка...
39	у «раны» «мороз»...
40	оба лба — о, оба лба...
41	это воины-горбы...

42 всё же всё это написано...
44 что сломано внутри твоего ли...
45 — или...
47 как девушка поэта несложна...
48 с трубы летело знамя льда...
49 голое деревце...
50 хорошо внутри минут...
51 представь...
52 битая как углы...
53 восславим Господа как пни...
54 дорóгой дорóгой...
59 за неба краткие края...
60 стоит лес, лежит снег, идёт волк...
61 в раю небо из...
62 когда героин называли «системой»...
63 когда на дне ладоней...
64 вечер движется в домах...
65 шла пехота пароходом...
66 до какого же ничто...
67 сегодня ветер...
68 я не видел статуи Свободы...
69 ответим как умеем...
70 ...говоришь камням...
71 стынет чёрная весна...
72 у меня фамилия — «Зверей»...
73 посреди и так событий...
74 сколько облетающих журавлей...
75 яма над ямой...
76 что равно чему на свете...
77 нá ночь на нóчь...

78 струйка...

79 на тройке кротов летит...

80 кот зубов есть кот царапин...

81 не выбрасывай меня...

82 промокший воздух внутрь земли...

83 случайно коснуться чуть выше коленки...

84 тихо наплывает покой...

I

ночь — как горит поэма
Хлебникова — легка

и в середине камня
серое лицо неба

закрыв глаза руками
поджав колени

думает «я — всегда
меня ещё нет

я — точка в каждой
звёздной точке»

в алой искре в руке дышащего цветка

современный художник попавший в рай
смотрит на свою руку
рука ему говорит: выбирай
смерть — тиранам, сатрапам — муку

— но я ничего не умею нарисовать
только летнее поле
там короткая бе-
тонная труба лежит на боку

у неё диаметр — си-
дячий рост разнополых подростков
и они там не курят, не говорят
не глядят даже друг на дружку

ящерица бежала и замерла
смотрит — язык раздвоен
воздух — как бы куб из стекла
поле — воин

змея пережила свой яд
Змий пережил свой Ад
человек-поступок пережил свой несомненный подвиг
человек-сомнение пережил общий смех над ним

представьте: булыжник парит над сияющим белым
песком
вокруг него перебирают себя, как струны, лучи золотые
друг другу в плечо плачут грешники, а святые
в хитонах молчат от грешников в стороне

один из святых высоко поднимает палец:
«представьте себе существенную мысль —
не вспыхнувшую суммой образов, но переданную сло-
вами:
сначала там будет тысяча смысловых слоёв,

потом заведутся неясные, маленькие бреши
и смысл очень быстро станет как решето
в него быстро хлынет тьма, чистое ничто
потом придёт как бы новый смысл и как бы утешит

но говорить самому станет страшно, стыдно молчать»
ему на хитон ставят маленькую печать
срывают хитон, отправляют к грешникам плакать
топтать составляющуюся из слёз солёную слякоть

а сами молятся молча — уже вдали
и новый валун поднимается с снежной земли

вокруг него солнце в размытом морозном свете
и вертится ветер, вертится ветер-ветер

жизнь пережила свой жест приятья, объятая
смерть пережила смиренье смотреть вовнутрь
пустой белый воздух летит как бы птичье платье
размером в всю вдаль-страну, во всю тишину

сердце на севере

воздух на дереве
вместо листвы

ветер везде

человек ходит
вместо себя

где с собой встретиться
что себе рассказать

из года в год одни
окна и облака

звёздочка в проводах
рядом с другой

И.Г.

есть высокая тоска
есть небесные края
это родина моя

это селезень зелён
шеей,
тине удивлён
лапы его вверх мгновенны
то есть изжелта-белы́
крылья —
проблеск чистой мглы

на́ небе след самолёта — прямая,
в озере — синус
это и есть россия

кто боится смерти тот не вóрон
(именно чужой)
длинной ничьей тенью ночь как воин
всё идёт лежит

снег вам в смех
как говорится
пульс вам в плед

кто смеётся в знамени прорехой?
там летит звезда
и молчит как собственное эхо —
как бы навсегда

луч вам вслед
как говорится
в след в снегу

след в снегу водою чёрен чуден —
кто бы перст вложил?
путь ужé поистине безлюден
хоть бы смех ожил

бог вам пóмощь!
вот и месяц
нож сложил

найдена собака
найдена везде
найдена везде вокруг
будет настоящий друг

лёгкая как воздух
ростом с космос и корабль
русская как песня
где деревья-докторá

над тобой собрались
голова к голове
и солнце — как лампы разом зажглись:
теперь только верить

найден воронёнок
рядом найден его крик
найден идущий к себе домой
красный старик

до границы вселенной
достаёт блик на его бутылке — а за
этой границей ужé только бог
умный как глазá

господи есть музыка в раю
я её как мужество пою
я её пою как тайны гроба
и не потому что
и не чтобы

вот её висячие сады
вот её горящие следы
как бы от костра
от счастья думать
нечего ведь больше и придумать

— глубоко в сердечной пустоте
катятся слова,
они не те

что ещё за по земле?
я иду по лёгкой мгле
сжавшихся в одну ночей —
в полдень утренний ничей

там в траве шагал обрывок
целлофана с сигарет
как бы музыки отрывок
солнцем облачным согрет

или — ночью виден воздух
как ночной дозор всех дней
повернул на шорох звёздный
топот дождевых коней

только-только с жжёной пылью
помирился — а она
(подружился!) — прогорает
совершенно не слышна

жизнь её — длиною с песню
а у лампы — в пять томов
лампа льнёт к окошку честно
и глядит на пять домов

так лицо двоится, мама —
вглубь, глазами между глаз
когда ночь в двойные рамы
смотрит в детстве первый раз

я старался
все старались
как грифель «ТМ»
долго вели линии и круги
медленно стирались

я терпел
все терпели
некрасиво, внутри себя пели
ныли, как боль в спине
лезли по стене

радио «Ханжа» говорит — бог вокруг
радио
«Правда» оспаривает:
бог — впереди:
встретишь его, а он уже всё знает

вся твоя жизнь у него в руке
как мусорный пакет
и на нетварный свет
всю вечность смотреть — сбоку, издалека
не прикасаясь даже случайным словом

как кусок какого-то материала
неразрывного, одного объёма
чуть меняющего форму когда в него бьют
возвращающего форму медленно верно

такова душа как
как бы уют

что там может её выпаривать, выжигать
прорывать, совсем на две делить — как на два
чуждых, злых камня-уголька
друг на друга глядящих всё исподлобья, издалека:

«неужели ты мне
(я тебе) только и подобье?»

хорошо об этом птица кричит
в сутулом полёте
хорошо ветка торчит
в сугробе, в болоте

хорошо ночью
в человеке стучит

мир есть вечернее серое девичье
улыбающееся лицо

очень простое
не умное и не страстное

...не отменившее, встретив меня,
своей не-мне-улыбки

веришь рос репей своей дорогой
и гналась в нём радость то есть строгость
перед вечером пришли дома́
золотые как райское небо
по словам
шли буквы муравьём
как когда мы думаем-поём

уронив зелёную тетрадь
ветки,
ива говорила речке:
там написано как умирать
понимая это как бы встречей

только ветру тайный его цвет
синий и лиловый как тревога
говорил: ведь это не ответ
даже не отвага, не доро́га

после славы воины стоят
не в своих не в собственных слезах
а в ничьих — как в море ростом с лужу

а потом идут — и лужа тоже

подбородки в ней отражены
и не все подробности луны

спичка падает — и пароходом
поворачивается, бела

...и деревья крадучись народом
замерли, задумались дотла

— я немножко в вас влюблѐн
двадцать лет подряд
хорошо что не увиделись ни разу
старые мы стали
нежность сдулась
не о чем всегда поговорить

— жизнь идѐт как тощий воронѐнок
по проезжей части — прыг! к газону;
магазин для бедных — у тюрьмы,
но и в нём — цветы в горшках у кассы
...туча — чѐрная, в полнеба — мимо!
хорошо прожить не день, а час

— дольку часа: никто не окликнул
ни по телефону, ни доро́гой
первый раз увидеть птенцов чайки
рядом с рваной ржавою трубой
небо и трава не надоели
а казалось — очень надоели

— не молчать, не думать: побыть рядом
с блѣсткой фейерверка голубой

МАРТ

вбегает русский червь Землязин:

у нас лицо! у нас лицо!

...идёт канатоходец Фрязин

вокруг — фанерное кольцо

— мы грозный свет русского цирка —

сказала мама Корабли

и как бы внутренняя цифра

кипит тяжёлый снег земли

профессор Роберт Заммерли,
вы знаете луну?
скажите ей — мы замерли
готовые ко сну

вы с ней в обсерватории
останетесь одни
и как бы вы ни спорили
а дальше будут дни

профессор Джейсон Уммерли,
вы знаете чертей?
скажите им: мы умерли
нам скучно в темноте

...и вдруг приходят ангелы
и арфа как ручей
и стрелкой часовой идут
кресты-лучи свечей

вода воде сестра
в одной и той же реке
одна вода быстра
и внутренне налегке

а у другой — как камень на
сердце и что-то на уме
она держится дна
ничего не умеет

не разговаривает с водой вода
и так всё время одно
вон — плоский камешек скачет и скачет вдаль
и идёт на дно

это страшное звéрище
это страшное зрелище
эти страшные псы
это просто часы

они тут

и они идут

люди плуга — Толстой и Чертков —
разговаривают за обедом
— я переосмысливаю альков
— а я перечитывал Веды

— снилась курица в виде еды
а потом она шла по двору
и воскресшие люди как дым
свои души увидели вдруг

— всё сгорело у вас — говорит
тот кто должен им это сказать
а они ему все: отвори!
вот такие у нас и глаза

э, старик
ты в самом себе
вырос в дрящееся

из самой
памяти чужой
сбежал, там оставив

устремлённое и смешное
ты
стал иное

полупрозрачный, мутный
призрак себя —
в очереди, в койке:

капельница худеет, сияет
и дрожит, как пузырь
воздуха под водой

...медно-золотых сосен
полдень-гонг
вот и весь обзор

ночи костёр-Ганг
утро
утро жизни

важен и ценен
ком белья
в вертящемся барабане

ком ветра
брошенный, жизнь назад,
в спину простыне
во дворе

ком пятнистой души,
не достиранной
вручную — не взаперти в водке
а в живой реке, как сто лет назад

ком
в божьем горле

вышедший нашим миром

Цой дунул улыбнулся как
лёгкая девушка Земля
все его песни как старик
как вечный грек философем
вечный китаец и индус
древний еврей

но сам-то Цой дитё дитя
Брюс Ли Липницкого, трамвай
кожаный поручень окно
с солнцем во всех
царапинах, спина в пальто
компостер — и

билетик — Святой Себастьян
асфальт по кличке Я Асфальт
ничё высокое окно
с фикусом, пе-
режившим своих стариков
и вот когда

его поют в ночной Москве
и в генератор льют бензин
чтоб комбик далеко пищал
«взялась печаль»
девчонка скачет как война
самой себе

и вечность тёмная стоит
качнулась аскером с его
червонцем в шапке-петушке
улыбкой без
главного зуба, без тоски —
кажется, что

Цой дунул ветром тишины
в глубокий обморок луны
и улыбнулся —
но
о чём
он улыбнулся?

судомойка
похожая на поэтессу —
не поймёшь,
старше,
младше меня:

в мирном жёлтом окне
для не
грязных тарелок,
а испытавших
сумму прикосновений еды,

успокоившихся
в тихом очередном
и отчаянии
и высоком достоинстве —
я

никого столь же высоко
не поставил бы как
этот
гордый
горький

шаг её
шеи и
её глаз
встречу бледной дуге блика на
сером блюдечном ободке

перемолвились вот
первый раз
глядя
на
чёрную бахромку

мусорного пакета в урне — как
осознать:
все мы на свободе?
уличные кусты в окнах трам-
вая,

зелень ещё живая,
смертно-грустная от
своей густоты:
в человеческий рост
колкие кусты

ни-че-го с-
казать
это стихотворение не имеет ни
высшей чистой эмпатии,
ни природе:

ру́ки текста пусты

у «раны» «мороз»
у «родины» «тьень» —

некоторые слова берёшь
в руки, на руки — как это сказать, хотя всё понятно

необъятное что-то за ними
всерьёз ничьё

но и
ноет и ноет, знает и знает

оба лба — о, оба лба
у любящих ночью ночь, а
не друг дружку, никого —
как белых цветов звон белый
в сине-серой синеве —
у верящих ночью ночи —
не друг дружке, не себе
— оба лба, о, оба белых

это воины-горбы
гóры гóры гóры гóры
чёрен чёрен их карман
годы годы годы годы

и орлов ареопаг
змейкам рек или дорог о
воздухе молчит и па-
дает первый лист — как строит

винтовую башню где
линиями-облаками
всё прошито и в дожде
машут девушки руками

всё же всё это написано
сердцем, а не долотом
не молотком
не пробойником, не напильником
не пилой, не бензопилой
не отбойным
молотком по разъезженному асфальту —

а
по лёгкому воздуху москвы —
сердцем
горячим и спокойным,
на неродном языке —
как бы на любом

мысль
бьётся там —
не в припадке, не
затылком о плёсневелую стену —
а снова сердцем
хмурится умным лбом

любой другой тогда бы
или всегда бы
п-
ред-
почёл
пледу, серому небу,

снегу,
скелетику изгороди —

дрель, сверло
зуд железных пчёл
ящик с клещами, кувалдой —
доска к доске: рифму, ремесло

гвозди среди гвоздей
в ржавой банке:
с-
толь-
ко рифм
чтоб заколотить мир

...а он тайком
выдохнул его, отпустил целиком

21 августа 2019 года

что сломано внутри твоего ли-
ца-лица?

лица.

— твоего ли?

— высокая там сломана душа

как дальний луч

или как ось земли

...широкая была бы —

смята, но

...похоже ведь?

вот то-то и оно:

и то

и то

и всё-таки не то:

а вдруг ЛИЦО —

поверх души ПУСТОЙ:

из года в год

сдувающийся мяч

на пустыре

заснувшем вдаль и вскачь

— или
ты мне, солдат, скажи,
что есть-суть земля
— ...

— а земля есть-суть
первая глубина

земля
есть-суть
первая, видишь,
робость

— а что есть
вода?

— вода есть
весть жизни
внутри
всех: вода́ есть

часть пре-
выше целого

— а.....
.....
.....
.....огонь?

— а огонь сам ест
собой в себя воздух —

он,
что́ под нога-
ми, не видит:
слеп ради зрячих

...а вот уже́ с тобой
воздух — это мы

это мы с тобой
говорим —
значит, знаем,
зна́чим

и солдат ты уже́ не тот
а — сам себе отчим

седой сын
серый
сон
в домах

ветер
в рукавах

как девушка поэта несложна
и тем неповторима спит луна
в расширенном своём одном глазу:
как бы сама — на дне, а мир — внизу

как робкая тревога богача
под снайперские замиранья крыш
последней спичкой зажжена свеча
в безлюдной комнате: дрожишь, не спишь

из слова «паника» выходит Пан
обнимешь его за своё плечо
сам себе мать и встречная толпа
где каждый контур как прощённый чёрт

с трубы летело знамя льда
оно летит всегда
и разбивается всегда
на бледные алмазы
они лежат все сразу
в февральских городах

так из руки упавший горн
текучего огня
колючею руиной
лежит — и в сердцевине
у пешехода шаткий сон
и весь он невесом

чему б ещё разбиться
и сколами сиять?
не гордому же сердцу
не целостному «я»
но уж играет солнце
на дугах и краях

голое деревце
везёт
в троллейбусе старик

и музыки ни в нём ни в нём
ни в нём —
музыки нет

ни в деревце
ни в старике
троллейбус тих как смерть

корни
в пакете белом спят
как «да не усну в смерть»

и морось
морось — точки врозь
как дождь-старик дорóг

каплей одной
с веткой одной
встретится у метро

хорошо внутри минут
головой кивать воде
она гордая в длину
и не бедная нигде

её селезень разбил
она тут же и срослась
её ветер полюбил
а она не зазналась

и она ни за кого
только пбит холодна
только моет синевой
солнце и поёт со дна

представь:

Шукшин смотрит на мытый нож
как на
серую рыбу
он Рубцов

он Шпаликов
он смотрит в серый нож
жена обижена
или оскорблена
жена и нимб

смысл жизни и жена
куда бежать
в царапинах ножа
гуляет свет
и это воздух, отдых

битая как углы
каменного угля
беглая как стволы
спит
и поёт земля

в спрятанных лепестков
спи-
ралях-кулаках
день летит далеко
за свои облака

и роднее луны
мыслям глаз голоса
круглой листвы-волны
од-
ной на все леса

восславим Господа как пни
с пробившимся ростком
восславим Господа как дни
чужие целиком

...Эмили Дикинсон жила —
глаза как блеск чернил
как свет-внутри-букв-слóва-«мгла»
а с ним мы не одни

дорóгой дорóгой —
какие-то пни
дорóгой дорóгой:
который ни пни,
а встанет взвесь пепла
как будто навек:

«и я — человек»

...и я — человек

II

за неба краткие края
летит чужой души змея

пора и нам
пора и нем
пора и ум

пора и лодок седина
ум нем над ним страна луна

или длина её
вода —
да или да?

песок ладонями немел
лесок погонею темнел

пора и сон
пора и сор
пора и дом

там дóма сор и кот и пел
и Каин Авеля терпел

вышел во двор
камни белы
звёзды, стволы

стоит лес, лежит снег, идёт волк
что-то ищет ухом, моргает
лиса́ прыгает лицом в тёплящуюся мышь

ветка снег пугает
вздрагнув в серых птичьих руках
с гнутыми ногтями

и снег падает сколом,
пылью
летит вверх-вбок

— тянет сетью сияние синевы,
как воздух в себя,
идол, не бог:

местный, древний, с раскосым
круглым лицом
из серого камня,

улыбаясь
не там, где все,
не поймёшь чему

«в раю небо из
белого золота
земля — из
медного
корни — из серебра
стволы — из
тёмной платины
листья и цветы
из камней таких —
я названий не знаю» —
спи,
холод
спи, дитя-голод
спи, дитя-страх
а ты, старшая дочь тоска
не спи всех баюкай
ничего в полусне не видь
и всех ненавижь
в раю лёд
на просвет пузырчат
и ветка вмёрзла
не слепить снежка
на морозе и на ветру
в раю мёрзнет горб
в раю горят руки
в раю нищий горд
и в городе облака

когда героин называли «системой»
а воздух считали совой
мальки поверх грязно-рыжего песка дёргались
я был собой
сиянье летящее летней лески
и дурочки деревенской сплошной хмурый и одинокий
гнев
железобетон, песок, солнце, тугие кóсы
кассетник и мёртвый берёзовый лист в корыте, лова-
щем внезапный, как вся тоска, холод неба
событий-то не было, никакой даже не намечалось судь-
бы
в кухонном сарае спал чужой кот, и в кастрюле кипели
грибы
летел рваный золотой контур облаков
один раз пошёл снег в июле
в лесу криком звали генеральскую дочку
тринадцати, что ли, лет, бледную как русалка, сбежав-
шую со случайным парнем
глаза́ у неё были вообще совсем как вода
сосед шёл с рыбалки, в подвёрнутых бледных сапогах,
с сачком и вмятой канистрой

когда на дне ладоней
дрожит глоток воды
и кажется пустыней
обычных улиц дым
привет-привет разбитых
лиц тихая вина
глаз внутренне убитых
святая тишина
и лёгкая дорога
всем порознь врозь и в ни-
куда — и на пороге
дни дни и дни и дни

вечер движется в домах
как во флейте костяной
и качается в умах:
я иной и все иной
кто как воздух
кто как дом
кто как маятник с трудом
череп в грустной голове
улыбается и та
улыбается в ответ
всем лицом — но всё и так
что́ — как воздух
что́ — как дом
что́ — как маятник с трудом
луч танцует по избе —
передвижник написал
как бы сажей по трубе
или мёдом по усам
всё как воздух
всё как дом
всё как маятник с трудом

шла пехота пароходом
среди шторма барханов
люди — все, а вода — одна
на дне медных фляжек
фляжки робко стучали
и все молчали
мимо плыли плавкие царства
чалмы и маги
плыли из живых мощей белые, утончающиеся к концу
змейки душ — с одним глазом на голове
синим или чёрным
а в барханах скакал кулак-жар в кáтящейся траве
потом это перекáтí кúдá-то прибьётся
пустит корни, распустит себя-колтун
поднятою счастливой рыжей ладонью
солнце выпустит, и
вокруг — никого

до какого же ничто-
жества жеста и жилья:
пыль берёшь как существо
и жалеешь как змею
пережившую яд
...это не я пою;
наши комнаты — львы
духа, кони ума
и вокруг головы
искр и молний зима

сегодня ветер
сегодня вечер

звёздочки летят в каждую руку
как их удержать чтоб не прожгли
льдом и холодом и синевой
и счастливой, страшной тишиной

сегодня ветер
сегодня вечер

лужи — к ним неловко прикоснуться
не от отвращения — от любви
в контурах у них от фонарей
бесконечный крик — ожгись, согрей

сегодня ветер
сегодня вечер

а ещё — есть что-то и ещё
вне захватанных воздухом слов и
вне ума и даже вне любви —
как сказать как самое любимое?

сегодня ветер
сегодня вечер

я не видел статуи Свободы
но я видел статую коровы
у
фермерского магазина

на неё ложился рыхлый снег

маленький и лишний человек
мимо шёл, написавши в штаны
нёс в руке бутылку:
«Три семёрки»

«Три семёрки» продают в «Пятёрке»
а другие знания не нужны

«ответим как умеем —
теньями по земле» —
сказали мне деревья
в январской лёгкой мгле

— о чём я вас не спрашивал?
— о том что мы одни
нас чёрный ветер скашивал
сквозь нас текли огни

и всё-таки мы лапами
ком мира держим тák
чтобы не разлетелся во все
стóроны, как ночные искры окурка

...говоришь камням
проповедуешь птиц камням
берёшь камни на руки
показать реку

или дням
говоришь им
ими же:
вы же — те же!

что всегда, но как никогда —
живы иногда
дождевые искры
солнце именно вдруг

и из-за
вокруг
всего
что тут рядом

стынет чёрная весна
тронь подол в мытый цветочек
улыбнись как уголёк
то есть встань и сядь и ляг

потолок и пол сближаясь
с осторожностью такой
чтобы всё-таки казалось —
жить и жить; ладонь щекой

греется; щека ладонью
ранится —
«я не одна»
и плывёт-летит стена

молниями чёрных трещин
паутиной высоты
немотой и чудом речи
песнью песен — «вот и ты»

у меня фамилия — «Зверей»
у меня фамилия — «Камней»
у меня фамилия — «Земли»
у меня фамилия — «Ушли»

и при этом всё я человек
смесь
доблести, робости, добра
страха и ветвистого вчера
яростно шагающих калек

небо разрешает пулемёт
воздух попускает чистый смех
сердца состоящего из всех
встречных, совершенно совершенных

«посреди и так событий
я люблю твоё лицо
как страну которой быть и
состоять из нас — почти

пытка или лишний подвиг» —
говорит сгоревший дом
небу чёрному сквозь крышу
а оно почти с трудом

(потому что не умеет)
ничего не говорит
сѣнью вглубь себя немеет
сгустками её горит

сколько облетающих журавлей
(тополь тополь),
спичек — расцветающих кораблей
(щебень щебень)
сколько чёрных мамонтов-тополей
(топот топот)
из земли — и в землю — и по земле
(щебет щебет)

мы пойдём как хоботами держась
(ру́ки сёрдца)
мимо рубероида и ежа
(камень, ливень)
в лужу вплывёт трещиной жухлый дом
(жёлтый серый)
хорошо как вещи дышать с трудом
(труд счастливый)

сколько
ночи
в луже земли
вокруг
солнца
и шагов
вдаль,
даром

яма над ямой:

над рваньём
слабых сугробов —

облака

световой голубь
ветку мглы

выронил

•

щепки ковчега

червь гвоздя
с острым хвостом

и с вмятым лбом

голубь из сажи
за лучом

шествует

что равно чему на свете
камень равен кораблю
когда тонет или светит
это — ты себя терплю

что чернее и пробоин
свет лова чем флаг и щит
флаг свободен щит спокоен
это — свет себя ищи

на́ ночь на но́чь
посмотреть вместо
мечты
посмотреть вместе
на́ ночь на но́чь

золотой снег
прорастает первым прохожим
и у того
тень как дикий полёт стрелы
длинней всего двора

струйка
песка летит
наискось
в дымку дня
как бы
огонь глядит
мимо огня

как
бедуин лучей
с тучей
на голове —
мимо
смерти ничьей
змеи в траве

а
вокруг птицы сбит
воздух
в струю стекла
и от него отбит
край
мимо края глаз

на тройке кротов летит
и свадьба червей и вся
слепая любовь
и вруб внезапной лопаты
и крик срубленного корня
и сок на срезе
и жир земли на железе
ком и пятно

тут важно что скажет солнце
но оно — «но»

кот зубов есть кот царапин
ночь луны есть нить себя
стол и кругл и необъятен
это плакать не любя

и присохших сладких крошек
под локтём наждак вином
отдаёт — и нехорошим:
сниться спать и вздрогнуть сном

не выбрасывай меня
потому что я —
а дружи со мной как воздух —
попросту, издалека
будем говорить о звёздах —
молча, иногда, слегка
кто-нибудь, кто тебе дорог,
точно знал их и любил
я не помню форм созвездий
потому что я дебил
но я чувствую их порох
выстрел света в сотни лет —
нам в глаза и веткам в шорох
когда они светят, когда их уже нигде нет

промокший воздух внутрь земли
деревья белые текут
мы будем плакать как лицо
когда несётся пыль внутри

а глина рыжая лежит
собака грязная бежит
всё в мире — рыжий контур кос:
«кого ты спас?»

ничья из звёзд не вдруг в ночи
и гул бежит в себя в печи:
кого ты спас, кого согрел —
сам себя съел?

кого-то сплыл бег облаков
кого-то — просто далеко
и некуда сбыть эту даль
всем в неё — врозь

случайно коснуться чуть выше колени
и в сердце хранить всю жизнь
зачем это помнить
зачем это говорить

пора на тот свет
а внутри —
только именно
свет, огонь

тихо наплывает покой
потому что есть что любить
и кого беречь от себя
и куда смотреть целиком

глухо ночь салютом гремит
золотые лужи стоят
не о чем ни плакать, ни петь
потому что всё — и так всё

Василий Бородин
Клауд найн
16+

Центр Вознесенского — динамичная арт-площадка, посвященная новейшей российской культуре. Центр объединяет современных авторов и знаковые имена искусства, литературу XX века и новые тексты, концептуальные проекты и выставки-инсталляции.

Дизайн обложки и макета Дарья Яржамбек
Выпускающий редактор Лев Оборин
Верстка Ильяс Лочинов
Корректор Ирина Колычева

Центрифуга, Центр Вознесенского
119017 Москва, ул. Большая Ордынка, 46, строение 3,
телефон/факс (495) 139-89-87
e-mail: info@aav.center
www.voznesenskycenter.ru

Подписано в печать ???? 2020 года.
Формат 70×100 1/16
Гарнитуры RIA Text Serif, Graphik LC
Объем 13,3 условного печатного листа
Бумага офсетная. Печать офсетная
Заказ № ????
Отпечатано в ООО Бюро Маяк, mayak-buro.ru